

1

Глебу, в общем, наплевать было на усопшего. Кто ему Лев Гурвич — сват, брат, работодатель? Никто. Глеб нахмурился, словно внезапно вспомнил о какой-то скорбной заботе, и боком осторожно двинулся через небольшую толпу к выходу из церкви. Пол в храме был затоптан мокрыми ногами, а от горящих свечей ощутимо тянуло теплом.

Батюшка громко, быстро и невнятно тараторил молитвы, деловито вышагивал вокруг гроба и качал звякающим на цепочке кадилом. Люди, пришедшие на похороны Гурвича, пережидали отпевание с некоторой неловкостью. Поп вёл себя как-то уж очень сноровисто, без почтения к смерти. Но одёрнуть его было некому, потому что молитв и правил службы никто не знал. Откуда взяться таким познаниям у бизнесменов и сисадминов? Хоронили-то софт-мастера из пятёрки лучших IT-инженеров страны. Просто покойному при жизни было похрен, что Россия — «Нигерия в снегу», как сказал Брин, поэтому сейчас он лежал не в шезлонге на песках *Viscaune Bay*, а в полированном ящике в храме Иконы Божией матери «Всех скорбящих Радость» на Калитниковском кладбище города-героя Москвы, эР-эф.

Какого фига Гермес затеял это шоу с отпеванием? — раздражённо думал Глеб, с трудом выталкивая перед собой тугую храмовую дверь. Если Гурвич и был православным, то крестился явно по приколу. Жил он только себе в кайф, поэтому плакать о нём некому. Из людей его интересовали одни девки Пети Листермана. Но ведь нужно хоть как-то

проводить человека, который создал «ДиКСи»... Пожалуй, Гермес прав: панихида — оптимальный вариант. Что ж, Гермес всегда прав. Богам — им всегда виднее.

Глеб вышел из храма, отошёл подальше от нищих на паперти, вытащил из кармана пальто пачку Marlboro Golds и прикурил сигарету от зажигалки Zippo. Marlboro правильно поджигать только Zippo. Парень, если ты хочешь себе место на рынке, тогда живи по правилам. Гермес как-то обронил, что правила важнее премиум-класса. Эта мысль позволяла надеяться на рост.

В городе-герое Москве, в эР-эф и на планете Земля заканчивался ноябрь. Над заснеженными куполами храма и колокольни кружились и кричали галки. А стыло-серое небо сюда будто бы кто перетащил из прошлого Глеба, как одеяло. Такое же небо висело над северным городом Апатиты, откуда Глеб двадцать лет назад убежал в столицу.

Родом из Апатитов был ещё и Андрей Малахов. Как-то в начале нулевых Глеб лежал на продавленном диване в съёмной московской хрущобе и смотрел по СТС «СВ-шоу» с Веркой Сердючкой. «А чего ты из Апатитов уехал? — ехидно спросила Верка у Малахова. — Апатитя замучила?» Да, лично его, Глеба, замучила. Да, здесь его тоже может накрыть небом Апатитов, как вот сейчас, но есть способы отвлечься.

Глеб достал айфон, набрал и отправил в Твиттер сообщение: «Стою в церкви на отпевании айгишника. Полный сюр». Глеб давно перестал воображать себе того идиота, которому интересно знать, чем он, Глеб, сейчас занят, что он чувствует и что думает. Твиттерил Глеб уже для себя.

Писать в Твиттер его обязал Гермес. Так правильно по статусу. Поначалу Глеб считал Твиттер тинейджерской дурью, но потом свыкся и вошёл во вкус. Твиттер легко подыскал себе место даже в плотном рабочем графике: он оказался подобен курению. Сообщения были короткие, будто сигареты. Они отмеряли микроритмы жизни, будто перекурсы.

Глеб, филолог по образованию, вспоминал, как у Астафьева в «Оде русскому огороду» бабушка ругала деда, копавшего грядки: «Борозду пройдёт — папирёсу! Борозду пройдёт — папирёсу!» Это и был русский народный Твиттер, но только господу богу. А мелко лгать в депешах — естественно, словно курить не взятяг. Глеб направился к воротам кладбища — к столбикам из жёлтого кирпича — и бросил окурок в урну. За чёрной решёткой ворот светлела свежим снегом небольшая площадь: слева в ряд стояли джипы тех, кто приехал хоронить Гурвича, справа — синие кабинки биотуалетов. Глеб решил не возвращаться в церковь, а ждать возле могилы. Он прошёл мимо конторы кладбища и углубился в аллею.

Айфон оставался в ладони. Глеб вывел портал «ДиКСи» и настукал в поисковике: «Калитниковское кладбище». До айфона Глеб не знал, что доступность информации делает жизнь очень чувственной. Как-то волнует, что ты можешь сразу узнать всё о любом явлении и любом месте. Ну, будто бы ты можешь заглянуть под юбку любой женщине, и за это тебя будут уважать как серьёзного исследователя. С айфоном ты кажешься себе очень укорённым в жизни, допущенным к тайне, следовательно, к принятию решений — хотя это неправда. Однако удовлетворение любопытства обычным способом не тешит самолюбия так, как удовлетворение через айфон: за это удовольствие люди и потрошат свои кошельки, оплачивая трафик.

Кстати, усмехнулся Глеб, Калитниковское кладбище — не от слова «калитка», а от слова «калита», то есть кошелёк. Раньше здесь была слобода Калитниковская, где жили мастера, что шили кошелки. Н-да, и в старину Москве нужны были целые слободы для пошива кошелчков.

ДиКСи паковал информацию ёмким дайджестом. Калитниковское кладбище основали в 1771 году во время эпидемии чумы. Сотни возов с трупами выезжали

за Камер-Коллежский вал через Спасскую заставу и вываливали мертвецов в ямы на пустыре у Калитниковской слободы. Потом могильники стали обычным кладбищем. В 1838 году здесь построили нынешнюю церковь. Хоронили тут богатых крестьян, небогатых купцов, разночинцев и прочую интеллигенцию.

Из интересных персон, упокоенных на Калитниках, Глеб встретил Роберта Фалька, художника из объединения «Бубновый валет». Авангардисты «Валета» писали нечто криливо-кривое и угловато-цветастое. Фальк, весь такой креативный и продвинутый, в 1928 году эмигрировал в Париж, но в славном 1937 году по приглашению друга, краснознамённого лётчика, вернулся в СССР и прожил в Москве два вполне благополучных десятилетия, хотя его и трепали за формализм.

А ещё на этом же кладбище лежал рэпер Ратмир Шишков. Он был из знатного цыганского рода, потусовался на «Фабрике звёзд», а потом самовыражался в R&B-группе «Банда» с Домеником Джокером и Тимати, такими же мутантами, как и сам. Мартовской ночью 2007 года он погиб в компании друзей — пьяных мажоров: их «мерседес» летел на красный свет и врезался в борт легковушки на углу Садовой-Спасской и Орликова переулка. Пять трупов. Ратмиру было девятнадцать лет.

Двигая иконки по экрану айфона, разворачивая и сворачивая информационные окна, Глеб думал, что авангардист и рэпер на старом чумном кладбище — тоже сюр не хуже отпевания айтишника.

Глеб неторопливо шагал по асфальтовой дорожке между могилами. Дорожку обжимали чёрные ограды — то чугунные, литые и витые, а то обычные, сваренные из уголка и прута. Голые ветви высоких деревьев переплетались, продолжая узоры оград. За крестами и стволами верб виднелись унылые плоскости бетонных плит, из которых состояла внешняя стена кладбища. А дальше в хмари угадывались

громады многоэтажных домов со стороны Волгоградского проспекта.

Глеб прочитал, что на Калитниках похоронена блаженная старица Ольга. Она прожила больше века и умерла 23 января 1973 года. Глеба это неприятно задело. 23 января 1973 года в городе Апатиты Мурманской области родился он сам, Глеб Сергеевич Тяженко.

В миру старицу звали Марией Ложкиной. Дворянка и монахиня, она каким-то образом уцелела в ГУЛАГе и после войны пристроилась жить в полуподвале близ Таганской площади. Старица совершала странные чудеса: с утра брала две сумки и шла бродить по Москве. Если встречала сердитого или грустного человека, то просила его помочь поднести поклажу. Человек помогал — и к нему возвращалась радость жизни. Эта история была какая-то очень московская, когда дурное настроение — проблема, которую решают специальные люди.

Новые захоронения на Калитниковском кладбище проводили только в порядке исключения — на двух участках в дальнем конце. Гермес добился, чтобы для Гурвича сделали исключение. Более того, Гермес добился, чтобы тело Гурвича не кремировали, а похоронили. Гермес хотел, чтобы у Гурвича была могила, а не ячейка в стене колумбария. Глеб не знал, зачем Гермесу могила Гурвича. Понятно, что Гурвич — друг и партнёр, но ведь не собирался же Гермес бегать к нему на могилку в каждый престольный праздник...

Глеб увидел яму для Гурвича. Её выкопали между двумя старыми захоронениями почти у бетонной стены кладбища. Глеб остановился поодаль, на асфальтовой дорожке, чтобы не пачкать ботинки в глине. Конечно, нехорошо думать о ботинках, когда рядом такое горе... Но в данный момент вокруг не было скорбящих, готовых оскорбиться чужим циничным чистоплюйством. Глеб убрал айфон и натянул перчатки.

Рядом с ямой находилось какое-то надгробие — каменный ящик, накрытый толстой плитой с профилированной

кромкой. Над ящиком возвышался крест. В высоту конструкция достигала Глебу до плеча. Ограда отсутствовала. И что-то с этой могилой было неправильно...

Глеб рассматривал заснеженный крест. Вертикальный монолит креста был широким сверху, а вниз сужался на клин. Горизонтальная перекладина выступала совсем незначительного. В общем, у креста был стильный дизайн, который не вязался ни с барокко восемнадцатого века, ни с классицизмом девятнадцатого. Для модерна начала двадцатого столетия слишком скуп и сурово. Получается, памятник новый? Значит, ещё живы те, кто лично знал погребённого? Но почему же тогда могила без ограды, которая отделяет личное сакральное пространство от публичного?

Может быть, это могила московской старицы Ольги? У неё нет родни, которая огородила бы могилу, но есть почитатели. Поисковик «ДиКСи» сообщал, что самый большой крест Калитниковского кладбища — на могиле схимонахини Ольги. Вроде бы крупнее этого креста Глеб других крестов не заметил. Хотя, конечно, он не смотрел внимательно.

Плечи Глеба передёрнулись под пальто. Если это могила старицы, то на ней стоит дата его рождения. Глеба словно что-то за рукав потянуло к могиле: захотелось увидеть крест с собственной датой...

Хрустя снегом, Глеб осторожно подошёл к надгробию, нагнулся и перчаткой соскрёб с креста сизый иней, наросший на рытвинах камня. Проступили чёрные буквы. Нет, это не имя «Ольга»: слово куда длиннее, и буквы латинские. Но что там начертано?.. Глеб не поверил глазам. На кресте значилось: ABRACADABRA.

Глеб распрямылся. Бредятина какая-то. Абракадабра. Шутка, что ли? Какой кретин придумал так пошутить?..

А надгробие явно старое. Камень уже пористый, плита неровная, углы выщербились, все грани креста и плиты стёрты и закруглены.

Смешное детское словечко на могильном кресте выглядело жутко. Абракадабра, шалтай-болтай, ябеда-корябеда... Или это заклинание? Крибле-крабле-бумс, рекс-пекс-фекс, трах-тибидох... Бамбара-чуфара-лорики-ёрики, *явитесь передо мной, летучие обезьяны!*.. Может, здесь похоронен ребёнок? Надгробие-то не очень большое... Ну и что? Разве уместно на могиле ребёнка писать «Сим-сим, откройся»?

Под снегом на груди креста угадывались ещё какие-то слова. Глеб опять наклонился и, не пожалев кожаных перчаток Forzieri, тщательно расчистил весь текст. Однако недоумение только возросло.

На кресте было высечено:

ABRACADABRA

ABRACADABR

ABRACADAB

ABRACADA

ABRACAD

ABRACA

ABRAC

ABRA

ABR

AB

A

Глеб задумчиво разглядывал нелепый монумент. Что это такое?

Вдалеке за деревьями послышались негромкие голоса и шум шагов. Видимо, от церкви по дорожке несли гроб с Гурвичем.

Глеб снова достал айфон и с разных позиций сделал несколько снимков креста с абракадаброй. Забавная штука-вина. Вот и будет о чём сделать новый пост в своём блоге соцсети «ДиКСи». Писать о похоронах — убить рейтинг. А вот абракадабра — это интересно.

И наверняка кто-нибудь из посетителей объяснит, в чём тут дело. Всегда находится умник, который всё знает. И слава блогу.

Глеб не помнил, когда впервые услышал о «ДиКСи», но с Гермесом и Гурвичем, отцами-основателями портала, он познакомился в 2010 году. Тогда Глеб рассчитывал, что Роднянский, обновляющий «Пятый канал», возьмёт его в обойму. Все договорённости уже были достигнуты. Огромные баннеры с лицами Быкова, Сванидзе, Собчак и Сорокиной, новыми хедлайнерами «Пятёрки», появились даже на домах Садового. На такие иконостасы Глеба, конечно, не вешали, но ближе к МКАДу, в Чертаново и Лианозово, в рекламах на сити-вижнях в общем ряду ведущих канала среди звёзд мелькал и он.

Глеб приготовил «Пятому» ток-шоу «Апгрейд» — обсуждение отношений Интернета и общества. Пилотный выпуск программы должен был выносить мозг. О чём поговорить? — думал Глеб. Можно с Мошковым об авторских правах. Можно с Носиком о вытеснении ЖЖ социальными сетями. Можно с Саввой Терентьевым про онлайн-цензуру или со Славой Сэ — о литературоцентричности Интернета. Для прикола можно просто поматериться обо всём подряд с Лебедевым как с фриком. Однако Глеб выбрал Гермеса и Гурвича.

О «ДиКСи» тогда мало кто знал, поэтому Глеб решил сделать свой эфир чем-то вроде презентации ресурса — и содрал дизайн студии с одной из презентаций Apple, чтобы подчеркнуть революционность идей Гурвича, сопоставимую с революционностью идей Стива Джобса.

Гурвичу и Гермесу обоим было за полтинник. Гурвич оказался неряшливым, толстым евреем с мокрыми губами и кудряшками вокруг ранней плеши, но он излучал столько энергии, что хватило бы на отопление райцентра в провинции. Холёный Гермес тоже был евреем, но совсем иного типа: тщательно вылепленный фитнесом, тщательно отшлифованный пластикой, тщательно окрашенный в солярии.

Гурвич грузно растёкся по креслу, подмигивая камерам, и тотчас присосался к бутылке с минералкой — потреблял халяву. Гермес сел пружинисто, будто на тренажёр, улыбнулся и негромко спросил, будет ли суфлёр.

— Что такое «ДиКСи»? — с места в карьер стартовал Глеб.

— «Дискурсейшн», — пояснил Гурвич и затрясся, хихикая. — Когда говорю это слово, у меня чувство, что зубов не хватает.

— И что оно означает?

— Сессия дискурса. Ваши индивидуальные представления о мире. Информационная картина по вашему вкусу. Мир как гуляш.

Гермес усмехнулся, словно извинился за Гурвича: ну что взять с чудака-изобретателя? В студии стояла интерактивная панель. Гермес взял лазерную указку и написал на экране: «DisCourSession», «DiCS».

— «ДиКСи» — это портал, предоставляющий различные интернет-сервисы и обладающий различными интернет-ресурсами. Мы говорим, что это *телеком третьей генерации*. Соответственно, у «ДиКСи» есть — или будет — всё, что есть у предыдущих платформ, но на качественно ином уровне. Качественный скачок уровня технологий — это и есть революция. Смарт-технологии приспособили компьютер к человеку, а технологии «ДиКСи» приспособливают к человеку Интернет.

— Стоп-стоп! — Глеб предостерегающе поднял руку. — Как это — компьютер не приспособлен к человеку?

— Ведь вы не сможете воспользоваться компьютером в трамвае, не так ли? — улыбнулся Гермес. — Компьютер — стационарная машина. А с айфоном или айпадом вы имеете все бонусы Интернета и компьютера в любом месте, где находитесь. Это и есть революция Джобса. Вход технологий в мир — это в первую очередь вход технологий в быт.

— Между компьютером и рестораном я всегда выбирал компьютер. — Гурвич заржал. — В итоге — бургеры и вот

это брюхо! — Гурвич довольно похлопал себя по животу. — Дали бы мне тогда планшетник, я бы ходил по вегетарианским ресторанам и был строен, как Сашка!

Гермес смущённо улыбнулся и поднёс к правому виску два пальца, словно отдал честь в благодарность за комплимент. Гермес выглядел как подтянутый и спортивный капитан торгового судна, а Гурвич — как раскумаренный и уколбашенный владделец. Хотя на самом деле всё было примерно наоборот.

— А почему Интернет не приспособлен для человека? — продолжил Глеб. — Для кого он тогда приспособлен?

— Проще показать на примере.

Лазерной указкой Гермес коснулся иконки на интерактивной панели и вывел интерфейс «Яндекса» с клавиатурой, потом набрал на клавиатуре запрос: «Фильм Аватар».

— Представьте, что я хочу почитать чего-нибудь интересное про свой любимый фильм. Обычное желание, рядовой запрос.

Гермес нажал лучом указки кнопку «Найти». Под жёлтой полоской «Яндекса» выстроились два ряда чёрно-синих картинок с кадрами из фильма и столбец ссылок.

— Двадцать пять миллионов ответов, — прочитал Гермес результат, указанный под логотипом «Яндекса». — Это не то, что я заказывал. Всё равно, если бы я искал детектив на пару часов, пока еду в электричке на дачу, но получил бы не покетбук Донцовой, а пропуск в библиотеку Британского музея. Вот это мы и называем Интернетом не для людей.

— И какая альтернатива? — спросил Глеб.

— Ясен хрен, что «ДиКСи», — ухмыльнулся Гурвич.

Гермес заменил на панели интерфейс «Яндекса» интерфейсом «ДиКСи» и набрал в поисковой строке «Фильм Аватар». На панели появилось нечто вроде сетевого анонса газетного номера: фотки, которые увеличивались при касании, аншлаги и заголовки-ссылки.

— А это — то, что получается, когда результаты «Яндекса» пройдут через сервисы «ДиКСи». Девятнадцать материалов о фильме, которые обязательно будут интересны лично мне, Александру Гермесу. Мне этого будет достаточно. Я полностью удовлетворю свою потребность в информации самым качественным контентом. Это и есть «ДиКСи».

— Знаете старый анекдот совковый про слонов? — заёрзал в кресле Гурвич. — В разных странах выпустили книги про слонов. В Англии — талмуд «Слоны и британский колониальный вопрос». Во Франции — альбом «Секс у слонов». В Германии — трёхтомник «Введение в слонологию». В СССР — учебник «СССР — родина слонов». А в США — брошюру «Что средний американец должен знать о слонах». Вот наш «ДиКСи» — как раз такая брошюра.

Рассказывать анекдоты Гурвич не умеет, подумал Глеб.

— Айпад — компьютер в быту, а ДиКСи — Интернет в быту, — подхватил Гермес. — Для сложных и высокотехнологичных работ всё равно используются специальные машины с огромным функционалом, а просто посмотреть кино можно и на примитивном DVD-плеере. Точно так же для бытовых целей могучие поисковые системы типа «Яндекса» выдают слишком громоздкий результат, а ДиКСи — то, о чём спросили.

— Есть функция релевантности, — возразил Глеб.

— Она не срабатывает, когда стоит вопрос вкуса. Скажем так: вот вы голодны. Но вы желаете не просто утолить голод, а чтобы было вкусно. И чтобы не пришлось ломать голову над выбором — это хочу, а это не хочу. Поисковые системы — это меню на тысячу страниц. А ДиКСи — ваш личный повар.

— То есть ДиКСи — гибрид «Яндекса» с ИМХОнетом?

— Сервисы рекомендаций существуют не только в ИМХОнете... — начал было Гермес.

— Есть куча рекомендательных сервисов! — влез Гурвич. — Но их фишка в чём? Они работают на одном типе

контента. Саша Долгин — голова, он свёл на своём портале разные контенты. Однако у него вопрос инженерии, а не собственно первичного софта. Первичный софт всё-таки на одноконтентных ресурсах. Тут гений — Джим Бенетт, который разработал для «Нетфликса» алгоритм Cinematch. С Джимом я говорил, и он мне на пальцах доказал: обычная система оценки и поиска по баллам даёт среднеквадратичное отклонение в сто пять процентов с десятками, а Джим по линейной регрессии дожал до девяноста пяти процентов! Прикиньте, «Нетфликс» объявила конкурс на алгоритм, который будет лучше Cinematch хотя бы на десятую долю, и приз — миллион баксов! Десять лет никто Джима не мог поймать! Лишь пять месяцев назад какие-то черти ломанули банк!

— Стоп-стоп! — опять поднял руку Глеб. Гурвича несло туда, где рядовому зрителю непонятно. — Попрошу по-русски. И без мата.

— А без мата тут не объяснить, — заявил Гурвич. — Короче, почти все поисковые системы сейчас — морфологические. Ищут по форме слова. А я разработал семантическую — поиск по смыслу. И с моим протоколом появилась возможность делать профили на всю Сеть.

— ДиКСи — индивидуальный Интернет, — подключился Гермес. — ДиКСи устанавливает предпочтения пользователя и формирует для него индивидуальную информационную картину, которая интересна данному конкретному человеку. Вам одну, мне другую, Льву третью.

— Информационный коммунизм! — крикнул Гурвич. — От каждого, бля, по способностям, *каждому, бля, по потребностям!*

Глеб подумал, что Гурвич — интеллектуальный уголовник. Он взломал традицию как сейф. «Бля» монтажёры потом перекроют зуммером, а вот идею ничем не перекроешь, и, судя по всему, быть Гурвичу и Гермесу миллиардерами, как Брину, Джобсу или Гейтсу.

— Александр, Лев, а вам не кажется, что вы сажаете своего пользователя в информационную тюрьму? — спросил Глеб. — У вас ведь тоже цензура. Обычная цензура говорит: «Ты не будешь знать об этом, потому что тебе не разрешено», а цензура ДикСи говорит: «Ты не будешь знать об этом, потому что тебе не будет интересно».

— ДикСи ничего не отменяет, все другие ресурсы доступны по-прежнему, пользуйтесь ими! — Гермес пожал плечами. — К тому же люди всегда цензурят себя. Если какие-то сведения вам не интересны, вы всё равно пренебрежёте ими. А информационный шум и избыточный выбор заглушают востребованные знания. Так сорняки душат полезные растения. И речь не только о поисковых системах...

Тогда, в конце зимы 2010-го, у ДикСи было запущено всего три ресурса. Первым стал «ДикСи-поиск» — поисковик вроде «Яндекса» или Google, а точнее — некий фильтр на любой другой поисковик. В силу того что результаты «ДикСи-поиска» были гораздо проще, чем у других систем, этот поисковик быстро набирал популярность.

Вторым продуктом стал интернет-магазин «ДикСи-маркет» — тоже фильтр-поисковик, но по сетевой торговле. Этот ресурс раскручивался туго. Возможно, как раз из-за успешности. Покупатель хотел выбирать, обдумывать, мучиться примерками и сомнениями, а ему сразу давали безусловно подходящий товар. Это лишало шопинг удовольствия.

Третьим сервисом зимой 2010-го был «ДикСиньюс» — персональная лента новостей. Из лент многих информ-агентств ДикСи отбирал те новости, которые были интересны подписчику.

Запись разговора с основателями ДикСи, собранную монтажёрами и редакторами, Глеб показал Гермесу, и тому очень понравилось. Он сказал, что ДикСи планирует расширение и умножение сервисов, что компания ведёт

агрессивную политику: вторжение в интернет-среду и захват медиарынка. С такими амбициями ДиКСи будет нужен медиаменеджер, глава направления. Глеб понравился Гермесу. Не желает ли Глеб подумать над предложением возглавить офис-кластер?

Гермес ещё не успел договорить, а Глеб уже принял решение. Выйти в топы в такой конторе, как ДиКСи, — это мечта. Это оправдает долгие московские годы, когда он отирался на вторых-третьих ролях, снимал халабуды и ездил на бэушных тачках, у которых первые хозяева перед продажей откатали срок гарантии.

А с «Пятым каналом» у Глеба тогда всё равно ничего не срослось. Его программа не прошла кастинг. Глебу сообщили, что разговор с Гермесом и Гурвичем посмотрел сам Роднянский и сказал: этот парень, как его, Глеб Тяженко, он что, совсем наивный? Он думает, что «Пятёрка» будет пиарить ДиКСи — своих конкурентов? Гермес был гений — и Роднянский тоже, и он сразу просёк, как ляжет фишка.

В мае 2010-го Гермес запустил «ДиКСи-дайджест» — индивидуальную интернет-газету, ежедневный дайджест тех материалов СМИ, которые интересны данному клиенту. В 2011-м появилось Радио ДиКСи: личное интернет-радио, по которому звучит лишь та музыка, которая приятна заказчику, а общими на всю аудиторию остаются только диджеи. За полтора месяца до смерти Гурвича Гермес открыл «ДиКСи-нет» — свою социальную сеть, во многом похожую на LiveJournal.

Но все эти сервисы были сопутствующими ресурсами. Вскоре Глеб узнал, насколько был прав Роднянский, когда говорил о конкуренте: на базе ДиКСи Гермес задумал собственный телеканал.

Пока могильщики глухо и гулко охлопывали лопатами свежий земляной холмик, к Глебу сквозь толпу подобрался Гермес.

— Глеб, обратите внимание, — негромко произнёс он. — Вон там поодаль стоит девушка в голубом пуховике. Это Орли Гурвич, дочь Льва. Возможно, мы возьмём её в ДиКСи. Она журналист, то есть будет работать с вами.

— Наследница? — удивился Глеб. — Я спрашиваю, потому что хочу определиться с субординацией.

— Я ещё ничего не решил, — устало ответил Гермес. Он выглядел плохо, лицо посерело и обвисло. — Просто познакомьтесь с ней, оцените. Ну, подвезите её до метро или до дома. Я вас представлю.

От Гермеса пахло дорогим парфюмом. Abercrombie & Fitch, не сразу, но узнал Глеб.

— Окей, — кивнул он.

По пути от могилы до выхода с кладбища Гермес вёл Орли сам, бережно придерживая под локоток. Глеб шагал сзади. Он видел только чёрные кудряшки Орли над капюшоном пуховика. Вроде La Masa, определил Глеб. Но это ни о чём не говорит. Пуховик был простёган квадратами и понизу захлёстан грязью.

За воротами кладбища возле машин Гермес и Орли остановились, и все, кто явился на похороны, ещё раз подошли к дочери Гурвича, чтобы выразить сочувствие. Глеб издали рассматривал Орли. Лет двадцать пять. Симпатичная. Чуть-чуть носатенькая и с вьющейся гривой. Просто Юдифь. Или Эсфирь. Гермес подозвал Глеба взглядом.

— Глеб, это Орли Гурвич, — представил он. — Орли, а это Глеб Тяженко, медиаменеджер ДиКСи. Он довезёт вас, куда скажете.

— Соболезную, — произнёс Глеб, встретившись с Орли глазами.

— Спасибо, — просто ответила она.

Глеб молча указал на свою машину — тёмно-синий удли-
нённый «Лексус RX 350». Глеб купил тачку уже хорошего
класса, но всё ещё не новую, а подержанную, зато 2007 года
и с пробегом всего в семьдесят тысяч. Настоящий уровень
«премиум» будет следующим шагом. Глеб не сомневался,
что сделает его.

Орли не изображала из себя светскую даму, привыкшую
ездить с водителем, а села на переднее сиденье. Глеб начал
выводить машину со стоянки у входа на кладбище, глядя
справа от руля в экран камеры заднего обзора.

— Орли — это по-французски? — спросил он.

— По-французски — Орли́, ударение на последний слог.
А у меня еврейское имя. Означает «мой свет». Так меня звал
отец. Но по паспорту я не Орли Львовна Гурвич, а Ольга
Николаевна Телегина.

Глеб медленно и осторожно ехал по Средней Калитников-
ской улице, плотно обставленной машинами с обеих сторон.

— Необычно, — сказал он. — А как мне вас звать —
Орли или Оля?

— Как вам нравится.

— Это тест! — тревожно-шутливо всполошился Глеб. —
Я должен справиться! Я буду звать вас Орли!

— Вы прошли на второй уровень, — улыбнулась Орли.

— Может быть, тогда выпьем кофе?

— Хорошо бы. А то я замёрзла. Где предлагаете при-
землиться?

— Вообще-то, здесь я ориентируюсь не ахти...

Орли достала айфон, и краем глаза Глеб заметил на его
экране ало-фиолетовые отблески портала ДиКСи. Оче-
видно, Орли включила навигатор. Однажды Гермес по се-
крету поведал Глебу, что ДиКСи откупил какой-то сервис
GPS-навигации, но это оказалось невыгодно, и услуга на ры-
нок не попала. Видимо, Орли как дочка Гурвича этой услу-
гой всё же пользовалась.

— Совсем рядом есть ресторан «Старая Гавана», — сообщила Орли. — Это на Талалихина. Сворачивайте сейчас налево.

Ресторан Глеба смутил. Советская двухэтажная коробка с высоким вторым этажом была превращена в какую-то расписную залепуху с аркадой понизу и панно слева: кирпичи, скала, маяк. Попытка обрести индивидуальность казалась мучительной. Зато парковка пустовала.

Глеб и Орли расположились у окна в зале, тесно заставленном столами и вычурными стульями. Всё вокруг было перечно-пунцовое и горчично-жёлтое. Дизайн надрывался от Латинской Америки: раскрашенные мадонны в нишах, деревянная галерея по верху стены, горшки с тропическими растениями, ещё одно панно, теперь с собором Сан-Кристобаль. Официанты в синих рубашках и с алыми галстуками походили на злых пуэрториканцев, торгующих вразнос марихуаной.

— А у вас кофе кубинский есть? — спросила Орли.

— М-м... — замылся официант. — Извините, сейчас нет.

— Ну, тогда два двойных эспresso.

Глеб потихоньку разглядывал Орли. Искусно потёртые джинсы Лее, угги, толстый белый свитер ручной вязки.

— Зачем рестораны в лобовую выдают себя за часть другого мира? — спросила Орли и закурила тонкую сигарету Vogue. — Какая тут Гавана, кто поверит? Другое дело, если бы весело обыграли кубинскую тему. Салат «Борода Фиделя». Дайкири «Карибский кризис». Печёный кролик по-чегеварски.

— А у вас неплохое настроение для сегодняшней погоды, — усмехнулся Глеб.

Орли всё поняла, сощурилась и метнула в Глеба тёмный взгляд.

— *Мы скорбящие, но мы не лохи,* — спокойно сказала она.

— Э-э... «Большой Лебовски»? — опознал цитату Глеб.

— Вы прошли на третий уровень.

Глеб смотрел на Орли, и она ему всё больше нравилась. У неё были весёлые глаза и яркие, какие-то чёрно-красные губы.

— Отца я впервые увидела полгода назад, — сообщила Орли. — Он уже сильно болел, и понятно было, что скоро конец. Да, я не горюю. Потому что смерть была ожидаема, и я почти не знаю этого человека, пусть даже он меня и зачал. У меня и отчество от деда по маме.

— То есть у вас мать и отец жили порознь? Поэтому Оля и Орли?

— Я не из Москвы, — сказала Орли. — Из города Омутнинска, это под Кировом. Мать — школьная учительница. В восемьдесят пятом году к нам в город приезжал стройотряд из МИФИ. Студенты и аспиранты, в том числе и Лев Гурвич. Строили какой-то ангар. Мама подрабатывала на кухне и познакомилась с моим будущим отцом. Лето закончилось, Лев Гурвич уехал и забыл о маме. А я родилась в апреле восемьдесят шестого.

Глебу всё стало ясно. У него самого была такая же история, только на десять лет раньше, и вместо обаятельного еврея-математика и московского аспиранта был лихой ростовский казак и комсомольский лидер. А потом в городе Апатиты родился он, Глеб Тяженко.

— Отец вам помогал?

Орли засмеялась:

— Знаете, Глеб, если бы он помогал матери, я бы перестала его уважать. Ну, этим он будто бы признал свою вину. А он ни фиги не признавал. Понравилась ему моя мать, вятская девчонка, — он и спал с ней, кто тут в чём виноват? Мать была гордая, не просила помощи — он ничего и не делал для неё. Он жил в своё удовольствие.

— За чужой счёт.

— Да уж конечно, ага, — скептически сморщилась Орли. — За свой счёт он жил. Просто он брал, если давали. Но ни у кого не отнимал.

Официант принёс кофе.

— А он вообще знал про вас?

— Ни сном ни духом. Святой человек!

— Вы чудесная дочь, Орли, — сказал Глеб и опустил взгляд в чашку.

— Не-е, я ещё та оторва, — гордо ответила Орли.

— А как в Москву вы попали? Поступили куда-то?

— Отучилась я у себя там, в Кирове. Я, кстати, тоже журналист, как и вы, Глеб. А сюда... Н-ну, в общем, яшла, к кому переехать в Москву. Я, конечно, родину люблю, но там полная жопа, мертвяк. Уж поверьте мне.

По её лицу заметался румянец. Глеб понял, каким образом Орли устроилась в столице. Ничего нового: постель. Глеб и сам не отказался бы заполучить такую девушку в любовницы. Но Орли — дочь одного босса и знакомая другого. Лучше не рисковать.

— В Москве жить невозможно... — сказал Глеб то, что говорят всегда, когда чувствуют какую-то вину за то, что живут в Москве. — Пробки, экология...

— Тогда садитесь в свой «лексус» и стартуйте в дивный город Омутнинск, — понимающе усмехнулась Орли. — Чего не уезжаете-то?

За окном на тусклую улицу посыпался дождик. Белые полосы снежных газонов начало мелко дырявить чёрной рябью.

— А отец вам и в Москве не помогал, да? — переменил тему Глеб.

— Сама справилась, — мрачно хмыкнула Орли. — Правда, конечно, вкалывать пришлось не по-детски. Я, наверное, на двадцать изданий поработала. Сначала фрилансером, потом пехотой в штате, а потом доросла до колумниста в «Метро» и в «Независьке». Меня почти позвали на «Дождь», но тут отец нашёлся...

— Вы искали его?

— Да я о нём и не думала. Как и он обо мне. Это всё Гермес.

— Гермес? — изумился Глеб.

У него Гермес никак не ассоциировался с семейными ценностями.

— Вы не думайте, что Гермес превратился в Квашу из программы «Жди меня», — засмеялась Орли. — Просто отец был плох, и Гермес наводил справки, какая у него есть родня. Ну, наследники. Надо же знать, кому перейдёт отцовская доля ДиКСи. Всё вполне цинично.

— Цинично было бы, если бы Гермес присвоил долю Гурвича, — пробурчал Глеб.

Орли затеребила пачку Vogue, вытряхивая новую сигарету.

— Гермес нашёл меня, привёз к отцу. Так мы и познакомились.

— И как вам Гурвич?

Глеб вспомнил свои давние впечатления от Льва Гурвича. Темперамент. Витальность. Неряшливость. Гурвич был без тормозов, чумовой, гиперактивный. Даже непонятно, как он сумел умереть.

Орли откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди в позиции бессознательной защиты.

— Знаете, Глеб, вы приятный мужчина. Почему-то мне хочется, чтобы вы сразу поняли обо мне какие-то вещи. Чтобы не было когнитивного диссонанса. Мама воспитывала меня как Олю Телегину, тургеневскую барышню. Мама и сама такая. Она отдалась одному человеку, отцу, — и хранит ему верность до сих пор, хотя этой верностью переломала себе всю жизнь. А я на третьем курсе филфака завалила английский, но очень спешила поехать с друзьями на горнолыжную базу в Нечкино. Тогда я взяла и дала преподу. И поняла, что я не Оля Телегина. А когда Гермес познакомил меня с отцом, я уже всё знала про себя, кроме имени. И отец сказал: ты — Орли Гурвич. Я его дочь, а не мамина. Мне нечего плакать о нём, потому что он сам ни о ком не плакал, потому что он не сделал для

меня ничего хорошего. Но с его уходом у меня появился шанс.

— На что?

— Иметь такую жизнь, какую я хочу иметь. Я из «Поколения Пу». Это тройной идеал: комьюнити, кредит, креатив.

Глеб понял, кого ему напоминала Орли. Девушку из рекламы Сбербанка. Реклама была такая. Симпатичная девчонка с весёлыми глазами и тёмно-красными губами — как Орли, только славянка, а не еврейка, — катила коляску по тротуару. Рядом шагал какой-то юноша с лицом верного и доброго пса: муж. Над тротуаром возвышался баннер с логотипом Сбера и зазывалкой «Зелёный бонус!». Коляска въезжала в колдобину и теряла колесо. Девчонка брала младенца на руки, а муж опускался на карачки, присобачивая колесо обратно. Младенец орал. Девчонка смотрела на баннер и задорно предлагала: «А давай автомобиль купим!» Муж снизу вверх тоже смотрел на баннер и неуверенно говорил: «Так это кредит надо оформлять...» И девчонка отвечала, сияя на всю улицу: «А мы зелёный возьмём!»

Забавная реклама. Эдакое милое, женское нарушение логики. А на самом деле логика очень даже была: комьюнити, кредит, креатив... *Мы скорбящие, но мы не лохи!*

— А что, Гурвичу за ДиКСи причитаются какие-то дивиденды? — спросил Глеб. — Он вам что-то завещал? Много, если не секрет?

Орли комично-печально вздохнула.

— Ничего там не причитается, — сказала она. — До Стива Джобса отец не дорос, а ДиКСи — ещё не Apple. От отца осталось немножко денег, но их не хватит ни на машину хорошую, ни на квартиру — даже где-нибудь в Бирюлёво. Папа жил, себе ни в чём не отказывая. Но он оформил на меня права на его авторские протоколы операционной системы ДиКСи. А что это такое? Гермес сказал, что вы можете мне разобраться, что дальше делать с этой ситуацией.

— Я? — удивился Глеб.

Он думал, это его Гермес подослал к Орли выяснить, что почём, но оказалось — наоборот. Или Гермес просто свёл их обоих?

— Вы, дорогой Глеб Сергеевич, — кивнула Орли. — Вы!

4

Глеб снимал квартиру в Раменках, а контора ДиКСи находилась в Отрадном. Глеб добирался до работы, минуя центр, и ему часто удавалось избегать пробок, тем более что можно было выезжать не в разгар давки: он сам себе начальник и не уволит себя за опоздание. Но сегодня не повезло. Надо было ехать по Минской и Филёвской, а Глеб поехал по Мосфильмовской и влип в мёртвый затор.

Серое, холодное и мокрое утро напоминало студень, дрожало дождём. Справа и слева у Глеба стояли грязные автомобили, впереди — корма маршрутки. В просветах меж домов Глеб видел три замытые моросью башни комплекса «Воробьёвы горы».

Глеб отрегулировал кресло, сделал потише невыносимые голоса «Il Divo» и взял в руки айфон. В машине было тепло и как-то мягко, пахло кожей и автомобильным парфюмом. Вот сейчас цивилизация и проверялась на состоятельность: человек неподвижен, заперт в пробке и бессилён развлечь себя иначе, нежели средствами связи.

Почту Глеб проверил перед выходом из дома, и пока ничего нового ещё не насыпалось. Читать дайджест не хотелось. На «ДиКСи-ньюсе» обновления были только в разделе бизнеса — правильно, в Европе открылись биржи — и российского шоу-биза: эти господа не отдыхали никогда, не старели и почти не умирали. В Твиттер Глеб запулил без вдохновения: «На Мосфильмовской за мостом пробка. Это если

кому интересно». Потом Глеб перешёл в «ДиКСи-нет» — социальную сеть, которую поддерживал ДиКСи.

Пока что сеть была небольшой, несравнимой с гигантами вроде «Одноклассников» или «ВКонтакте», не говоря уж про Facebook. Но всё впереди. Глеб верил в это будущее не потому, что был накачан химическим корпоративным оптимизмом, как допингом, а потому что с разработчиками сети совпадал по убеждениям: самовыражение, конечно, главная потребность современного человека, но этот человек ленится искать площадки для самовыражения. Обычно в соцсетях указанием площадок занимаются вспомогательные сервисы: разные системы топ-листов, перечни тем, личные знакомства, презируемый Гурвичем морфологический поиск и так далее. «ДиКСи-нет» всё это игнорировал, будто не знал. Зарегистрированный пользователь входил в «ДиКСи-нет» — и ему сразу открывались четыре поста, которые гарантированно были интересны. ДиКСи сам искал то, что увлечёт клиента: знай читай, рефлексируй и самовыражайся. Лёгкость поиска и удобство пользования были тем бонусом, на который и делал ставку Гермес, руководитель и почти владелец ДиКСи. Самовыражение, в отличие от самореализации, так эгоистично, что ему нет дела до причины, нужен только повод. ДиКСи это знал и повод отыскивал всегда. Например, пользователь желал, чтобы его вытошнило от ничтожества человеческого рода, и «ДиКСи-нет» тотчас открывал пользователю четыре подходящих для него поста, где, к примеру, авторы обливали помоями убийц Каддафи, новый модельный ряд АвтоВАЗа, «Метель» Сорокина и ремонт на Бауманской. ДиКСи знал, что пользователь каким-то образом чуть-чуть является автодизайнером, литкритиком, москвичом и ливийцем, следовательно, ему есть что сказать по всем четырём поводам. И его потребность в самовыражении будет удовлетворена. К человеческому общению или к установлению истины эта речевая активность отношения не имела.

У Глеба была вполне внятная задача — создавать контент, пока «ДиКСи-нет» ещё совсем небольшая сеть: Web 2.0 она была только наполовину. Вчера вечером после похорон Гурвича Глеб поставил пост с фоткой креста ABRAKADABRA и простым вопросом к пользователям: сетевой народ, что это такое?

Глеб терпеть не мог выражения «сетевой народ», но так часто писали спамеры, а они умели подделываться под язык пипла. Первая же фраза первого же коммента подтвердила правильность идеи, что залог успеха — банальность мыслей и предсказуемость реакции.

«Ничего особенного!..» — так начинался коммент. Конечно, ничего особенного. Все кладбища России заставлены крестами с надписью ABRAKADABRA. Чего тут удивительного? Подобное сплошь и рядом, плюнуть некуда. Фраза «ничего особенного» означала, что автор её — некая KozaDereza — проживает в настолько увлекательном мире, что могильные памятники с абракадабрами для неё привычны, будто мусорные урны. Ну да. Везёт же людям. Глеб продолжал читать:

KozaDereza: Ничего особенного! У меня бабка из златоуста там на старом кладбище половина памятников огромные мрамарные пни. Это мода такая была у купцов

Infarkt: А что за кладбище?

Outsider: Кладбище домашних животных

Кабуча: Знаете про кладбище вампиров в Челяковицах Чехия?

Кабуча — это Мариша Кабуча, диджей «Радио ДиКСи». «Кабуча» означало «плохая девчонка». Мариша была вполне себе хорошая и очень давно уже не девчонка. Она торчала на всех площадках, куда заносило Глеба.

D-r_Piprez: Это могила вампира!!! Стопицот!!!!!!

L-a-p-k-a: Слово какое то корнейчуковское. Детское. Сразу вспомнила, как болела восполением легких, лежала в постели. Мама поила чаем с медом, в школу ходить не надо, зима, жара, крыша едит.

Кирогос: Абракадабра — древнее магическое слово. В средневековье употреблялось как заклинание. Сейчас считается шутивным образцом бессмыслицы, нелепицы. Ссылка на Википедию.

Конечно же, нашёлся умник, который всё объяснил. В желании юзеров продемонстрировать свои знания и умения Глебу всегда виделось что-то от дрессированной мартышки, но не от настоящего разума. Homo sapiens должен понимать, что автор поста и сам может сходить в Википедию и посмотреть, что такое АБРАКАДАБРА. Если автор не сделал этого, значит, здесь подстава. Зачем попадать в чьи-то ловушки, даже если они и безвредны?

Умник, пославший в Википедию, тоже самовыражался, потому что не ответил на вопрос Глеба, а продемонстрировал своё умение нажимать на кнопки. Глеб прошёл по ссылке и прочитал, что смешное слово «Абракадабра» — имя страшного демона. Он вызывал мор: холеру, лихорадку, язву, чуму. Ведьмы, летящие на шабаш, кружили на метлах вокруг Лысой горы, хохотали и звонко кричали в вышоте звёздной полночи: «Абракадабра!» — вызывали демона из преисподней.

Чтобы защититься от этого демона, от холеры и лихорадки, люди писали имя врага на кусочке пергамента или дощечке. Писали в одиннадцать строчек, всякий раз убирая по одной букве, пока имя не исчезало. Так можно было убить демона, а точнее — дематериализовать его, лишить силы и власти. Затем пергамент или дощечку сжигали или носили в ладанке на груди. Имя демона — это очень важно. Это его программа, которую можно уничтожить. Поэтому у самого сатаны бесконечное множество имён — его человеку не уничтожить, уничтожив имя.

Глеб вспомнил: в фильме «Константин» Киану Ривз, истребитель демонов, терзал одержимых, чтобы те назвали имя овладевшего ими демона. Потом врага уже можно было

одолеть. Значит, на памятнике Калитниковского кладбища начертано заклятье, убивающее демона?

Глеб закурил. Marlboro, Lexus, дождь, айфон, Мосфильмовская улица, демон АБРАКАДАБРА... Глеб чувствовал, что всё это могло сочетаться только здесь — и нигде более. Поэтому он и любил Москву.

KozaDereza: Это не настоящая могила а кенотаф ложная или пустая могила. Таких в Египте много. Когда нет тела а похоронить надо. У Марины Цветаевой два кенотафа в Тарусе и Елабуге

Nan_Madol: Hubble, а где вы нашли этот памятник? Предположу что либо на Ваганьковском кладбище, либо на Калитниковском, либо на Преображенском.

Hubble — это был ник Глеба в «ДиКСи-нете». Глеб взял его после великолепного 3D-фильма про орбитальный телескоп «Хаббл».

Nan_Madol: Поясню. Демон Абракадабра повелевал чумой. Эти три кладбища, насколько я знаю, чумные, то есть основаны после московской чумы 1771 г. Возможно, здесь была и символическая могила демона чумы. Подобные существовали в средневековой Европе. Например, в 1361 г. чума пришла в Авиньон, где продолжалось «пленение пап», и от нее умерло 100 епископов и 5 кардиналов. Чуму победили только молитвы папы Иннокентия 6. Новый папа Урбан 5 в 1363 г. установил в одном из двориков Папского дворца кенотаф Папы Чумы. Кенотаф был разрушен в 1789 г., когда во время Великой Французской революции дворец захватили восставшие. Также известно, что могила Короля-Чумы существовала в Магдебурге, но разрушена вместе с кладбищем весной 1945 г.

Вот юзеры всё и объяснили, подумал Глеб. Надо только акнуть в Сеть: *живитеь передо мной, летучие обезьяны!*

Kurogos: Между прочим, уже в чумном средневековье люди распространяли «письма счастья»: вроде как перепиши пять раз, раздай друзьям, и спасешься от чумы

D-r_Pippez: Бля эти уроды значит от чумы не передохли, да? Неужели действует? У меня ящик забит «письмами счастья», ПП!!!!!!!

Доктор Пиппец, понял Глеб, — сетевой хулиган. Ну и ладно, пушай буянит. Лишь бы не тролль. Но кому надо троллить Глеба?

Kurogos: Тогда «письма счастья» называли «святыми письмами», потому что считалось, что их надиктовала богородица. Вот по ссылке русское «Святое письмо, посланное чуднымъ образомъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и писанное собственною его рукою златыми литерами на еврейскомъ языкъ. Оно было найдено въ 12 верстахъ от Семборта в Лондонъ с изображеніемъ креста и истолковано семилѣтнимъ сиротою, который до того времени ничего не говорилъ»

По ссылке Kurogosa Глеб не пошёл: ему хватило заголовка. Похоже, Kurogos был из тех интернет-знатоков, которые на любой случай имеют не знание, а ссылку. Человеки-google, гугловоды.

Outsider: Мне бабка говорила, что когда чума приходит, петухи и собаки теряют голос потому что пение петуха отгоняет нечистую силу, а собака видит невидимую смерть и лаем может выдать ее людям. А Кошка раньше была сестрой чумы, чума ее била, и теперь Кошка ее боится и когда чума приходит — прячется от нее в печке

D-r_Pippez: Вы чо бля пугайте я ужэ обоссалсо!!!!

L-a-p-k-a: Чума просто так не приходит. У меня на даче деревенская сумашедшая была, она говорила, что ей предшествуют знаменья. Потопы, засухи, землетрясения, кометы, появление цветных комаров, хвостатых лягушек, дожди из пауков, жаб и червей.

Кабуда: Меня вчера жаба так душила, так душила... Это к чуме!

Kurogos: И ещё ссыль. Легенда о Деве Чуме в немецком замке.

Ссылка вывела Глеба на какой-то русскоязычный туристический сайт про достопримечательности Штутгарта и окрестностей. На фотке был очень красивый замок, венчающий вершину холма. Глеб прочёл сопроводилровку к фотке и саму легенду.

«В страшные годы, когда Европу опустошала Чёрная Смерть, мору противостоял только замок Гогенцоллерн возле Штутгарта. Дева Чума взяла этот замок в осаду, но жители затворили ворота и все двери и не показывались ни на балконах, ни во дворах. Если кто опрометчиво открывал окно, в жилище тотчас влетал воздушный алый шарф Девы Чумы, и обитатели падали, поражённые болезнью. Чума была врагом терпеливым. Она спокойно ждала, когда голод вынудит защитников замка Гогенцоллерн покинуть свои убежища. Тогда рыцарь Рюгер Химмельберген решил пожертвовать собой ради спасения замка. Он выгравировал на мече слова «Иисус и Мария» и открыл окно башни. И сразу в окне показалась призрачная рука с алым шарфом. Бравый кавалер ударил по этой руке мечом. Рука отдёргнулась. Рыцарь Химмельберген упал на пол, покрываясь чумными бубонами, а раненая Дева Чума предпочла оставить замок Гогенцоллерн и удалилась прочь от его негостеприимных стен».

Глеба впечатлило. Маришу Кабучу — тоже.

Кабуча: Ояпу!!! Чумачечая осень:)!!!!

Нап_Madol: Ставлю перепост статьи о могиле-кенотафе:

«Редкий и необычный памятник европейского Средневековья — могилы-кенотафы с надписью ABRAKADABRA. У них удивительная легенда. В этих могилах похоронен демон чумы. Вот откуда он брался.

Сатана замечал, что какой-нибудь город, восславляя господу, расцветает и богатеет, и решал погубить этот город. Он приезжал в роскошной чёрной карете, запряжённой шестёркой вороных коней, и соблазнял какого-нибудь горожанина стать Королём-Чумой. Этот человек

соглашался привезти в город чуму, и за это Сатана обещал ему спасение от мора, богатства умерших и власть над всем городом.

Несчастливого предателя Сатана увозил к себе во дворец и там спускал с цепи демона чумы Абракадабру. Демон входил в человека. Теперь человек должен был выпустить демона на свой город, иначе демон убьёт его: предатель сам умрёт от чумы.

Вера в то, что спастись от чумы можно только передачей своей чумы другому человеку, была широко распространена в Средние века. Она объяснялась «демонической теорией», согласно которой болезнь считалась злым духом, демоном, поселившимся в человеке. Демон овладевал человеком за его грехи, следовательно, лечиться надо было не в больнице, а в церкви — покаянием и жертвованиями. Или же надо совершить некие оккультные ритуалы, которые заставят демона покинуть своего носителя и перейти в другую жертву.

А Сатана возвращал Короля-Чуму в его дом, и Король выпускал демона. Абракадабра начинал сеять чуму по городу. Он целовал женщин чумными губами, угощал мужчин чумным пивом, дарил детям чумные игрушки. Он отравлял колодцы. Он изготавливал «чумную мазь» и обмазывал ею ручки дверей и скамейки в храмах. В состав «чумной мази» входили мышьяк, ядовитые травы, сушёные жабы, сердца висельников и тому подобные вещи. Чума поражала город. Демон же прятался у Короля и приносил ему богатства из опустевших домов.

В чумных городах безумевшие жители пытались «вычислить» Короля-Чуму и сжигали на кострах тех, кого заподозрили в продаже города Сатане. И ещё существовал обряд выманивания Абракадабры. Его завлекали в могилу, а могилу запирали крестом, на котором столбцом писали имя демона, убирая в каждой нижеследующей строке по одной букве, пока имя не исчезнет полностью. Эта могила

демона, символическая могила, и есть кенотаф с надписью АВРАКАДАБРА».

KozaDereza: Чумная мазь крем Азазелло

Последним в ряду сообщений этого комьюнити стояла фотожаба Крохобора. Крохобор — это приятель Глеба, Борька Крохин, сисадмин в ДиКСи. Борька помогал Глебу решать все проблемы, что возникали с компьютерами и прочей умной техникой.

У жаббера Крохобора была та же фотка, которую Глеб сделал на Калитниковском кладбище, только теперь на фотке могила была открыта, а слово АВРАКАДАБРА на кресте было написано наоборот: от одиночной А к полному комплекту. То есть демон чумы, погребённый в пустой могиле, словно бы ожил, потому что его имя восстановили — дорастили буквами до изначального размера. И потом он сдвинул могильную плиту и вышел в мир.

5

Глеб считал, что в старости станет махровым ретроградом и ортодоксом. У него были причины для такого мнения. Как только он получил должность медиаменеджера в ДиКСи, то сразу организовал себе солидный изолированный кабинет в лучшем духе обкомов КПСС. Конечно, Глеб мог работать и в кафе с планшетником на коленях, и за жалюзи в личном аквариуме общей рабочей зоны open space. Но если исходить из интересов дела, которое необходимо сделать, а не из соображений продвинутости, которую следует демонстрировать, то нужен кабинет. Глеб так и объяснил это Гермесу. Гермес согласился.

Вот теперь в кабинете сломалась кофемашина. Глеб проверил загрузку, нажал все кнопки, пошлёпал ладонью и сверху, и по бокам, но аппарат тупил и не желал варить

кофе. Тогда Глеб вызвал мастера, а сам пошёл за кофе на этаж к админам.

ДиКСи располагался в комплексе зданий какого-то бывшего секретного советского НИИ. По местной легенде, Гермес работал в этом НИИ научным сотрудником, в перестройку начал свой бизнес, то ли выкупил, то ли арендовал весь комплекс и вот недавно поместил здесь ДиКСи. Официально Гурвич был у Гермеса наёмным работником.

Офисы ДиКСи были распаханы по главному корпусу как попало. Кабинет Глеба, к примеру, занимал угол верхнего, четвёртого этажа. Рабочие зоны располагались на третьем и втором этажах. Серверы и прочее оборудование, которому требовались охлаждение и покой, стояли в подвалах. А вообще, и в главном корпусе, и в других корпусах сидело много разных контор и фирмочек, угнездившихся здесь с диких девяностых. Иногда во двор комплекса осторожно въезжали длинные грязные фуры, которым надо было переждать где-то пару дней, а иногда — холёные чёрные кортежи с мигалками. В общем, комплекс жил напряжённой полулегальной и запутанной жизнью — обычной для коммерчески-освоенных промзон Москвы.

Глеб прошёл по коридору, а потом спустился по лестнице. В окна светил белый, безликий день начала зимы. Комплекс находился в Отрадном, среди просторных кварталов типовых советских высоток. Сверху Глеб видел два ангара и другое офисное здание комплекса: их плоские крыши казались застелены бумажными листами. А снежный двор уже был исчёркан чёрными дугами автомобильных следов.

На два этажа рабочих зон open space имелась рекреационная зона с диванами и кухонькой: холодильник, мойка, шкаф с посудой, чайник, кулер, кофемашина. Похоже, кухонька должна была внушать какие-то корпоративные идеи вроде «наша фирма — наш дом, а мы — одна семья».